

2. Сообразно этому возникает потребность в более эффективной правовой регламентации судопроизводственных процедур. С одной стороны такая регламентация может устранить либо компенсировать отрицательные последствия риска, с другой – создать условия для реализации его созидательного потенциала, ибо риск – это не только возможные потери, но и просчитываемый успех¹.

3. В таком аспекте процессуальные риски, заложенные в нормах арбитражного процессуального права, следует рассматривать как один из способов получения правового результата в случаях, когда с помощью традиционных средств этого сделать не представляется возможным.

Нормы арбитражного процессуального законодательства, в которых говорится о процессуальном риске, являются различными и не дают ясного ответа на вопрос, что представляет собой процессуальный риск как правовая категория. Остается не выясненным вопрос и о правовых последствиях процессуального риска, поскольку процессуальный закон говорит о них в самом общем виде.

Фактически на сегодняшний момент категорию «процессуальный риск» можно рассматривать как системообразующую, поскольку идея процессуального риска принижает практически все институты арбитражного процессуального права.

Поэтому можно сделать вывод, что процессуальный риск следует рассматривать как системообразующий элемент арбитражно-процессуального законодательства и неотъемлемое свойство арбитражно-процессуальных правоотношений, являющихся предметом арбитражно-процессуального регулирования, представляющий собой объективно существующий набор вероятных вариантов процессуального поведения сторон, среди которых вместе с достижением положительного регулятивного эффекта существуют возможности наступления негативных правовых последствий.

Степочкина Я.И.,

аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета
Научный руководитель – профессор Мархгейм М.В.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТОВ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ПОИСКИ ВОДОРАЗДЕЛА

Несмотря на полуторавековую историю реформирования судебной власти, сохраняется неопределенность в трактовках самостоятельности и независимости, в том числе применительно к судебной власти.

Закрепление самостоятельности судебной власти в конституционно-правовой доктрине являет собой признание государством права на судебную

¹ Дятлов Ю.А. Правореализующий риск (проблемы теории и практики): автореф. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 4.

защиту, в качестве естественного права. Основными в этой конституционно-правовой концепции будут два основополагающих принципа: а) равновеликость всех ветвей государственной власти; б) обособленность одной ветви власти от другой¹.

Эта конституционно-правовая конструкция характеризует правовое положение каждой из ветвей власти в системе российской государственности. Известно, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны (ст. 10 Конституции России). Из указанной конституционной нормы берет свое начало принцип институциональной самостоятельности судебной власти, который получает свое развитие в других положениях Конституции России и основанных на ней нормативных актах.

При этом сохраняется неопределенность объема и содержания статуса судебной власти с позиции ее организационной самостоятельности. Даже в юридической литературе принцип самостоятельности как таковой рассматривается сквозь призму независимости, отождествляясь с ним.

Статья 120 Конституции России гласит: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону»². Данный принцип признается одним из важнейших в характеристике статуса судебной власти. Однако независимость представляет собой лишь часть полного объема принципа самостоятельности организации и деятельности судебной власти³.

Будучи несколько уже по содержанию и объему, принцип независимости можно отнести к определяющему началу самостоятельности. В.И. Даль дает определение слову «независимый» как «ни от кого не зависящий, вольный, свободный, неподчиненный, ничем не связанный, самостоятельный, сам себе господин»⁴. По мнению А.В. Цихоцкого, смысл независимости заключается в отделении субъекта от чужой воли, ограждении от чужого влияния, а сосредоточение данного принципа происходит на наличии или отсутствии внешнего принуждения⁵. Но при этом он рассматривает этот признак как определяющий. В действительности же, для эффективной организации и деятельности, кроме отделения ветви власти от других ветвей, исключения внешнего воздействия, необходим ряд позитивных факторов. Для того, чтобы учредить нечто новое и самостоятельное недостаточно лишь обособления, необходим также статусный потенциал и механизмы его реализации.

Беспристрастное осуществление правосудия и запрет любого влияния извне определяет независимость судьи. Самостоятельность же судебной вла-

¹См.: Гаджиев Г.А., Анишина В.И. Самостоятельность судебной власти // Журнал Российского права. 2004. № 5.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом последних изменений) // Российская газета. – 2009, 21 января.

³См.: Гаджиев Г.А., Анишина В.И. Указ. Соч.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь. 1956г. С. 518.

⁵См.: Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С. 387.

сти предполагает внешнюю и внутреннюю автономию с возможностями самодостаточности во всех аспектах организации и деятельности ее как ветви государственной власти.

Независимость как исключаяющий и отрицающий постороннее влияние принцип является негативным, а самостоятельность – позитивным, поскольку предполагает осуществление конституционных полномочий судом без внешнего и внутреннего постороннего вмешательства и влияния в рамках действующих норм права, то есть собственными силами и средствами.

Наличие собственной компетенции, при рассмотрении правового положения статуса суда в системе государственности через принцип самостоятельности, не является единственным критерием, а лишь говорит о необходимости самостоятельного ресурсного и правового потенциала. Если судья характеризуется как независимый носитель власти, осуществляющий на основе беспристрастности полномочия, закрепленные законодательно, то самостоятельная ветвь власти должна обладать дополнительно таким конституционно-правовым и организационным потенциалом, который позволял бы ей взаимодействовать с другими институтами государственной власти на равных¹. Самостоятельная судебная власть должна не только осуществлять полномочия по разрешению конфликтов на основе закона, принятого другой ветвью власти, но и иметь потенциал и полномочия нести свое влияние, свое правовое усмотрение в отношении самих нормативных предписаний, их содержания и конституционно смысла, в этом проявляются ее собственные механизмы воздействия на правовую действительность.

Различия принципов независимости и самостоятельности заключается также в том, что в первом случае принцип имеет личностную характеристику, то есть определяет конституционные требования, адресуемые носителю судебной власти (судье), во втором случае принцип предполагает институциональные, компетенционные характеристики.

Судебная власть, в силу принципа самостоятельности, должна иметь систему судов, которая обеспечивала бы эффективное, профессиональное, справедливое и своевременное рассмотрение дел. Конституционная норма об учреждении суда должна беспрекословно исполняться законодателем, и парламент обязан принимать соответствующие законодательные акты без необоснованных задержек и промедления. Из необходимости обеспечения реализации принципа самостоятельности судебной власти следует вывод не только о том, что государство должно учреждать систему судебных органов отдельно от других органов власти, вне системного подчинения. Не менее важно, что на государстве лежит обязанность создания автономной системы органов судебной власти определенного качества². Обязанность государства состоит в том, чтобы создаваемые системы судов, охватывали всю территорию, соответствовали общественно-правовым потребностям, включали орга-

¹ См.: Абросимова Е.Б. Суд в системе разделения властей: российская модель (конституционно-теоретические аспекты). М., 2002. С. 211.

² См.: Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред.: Ершов В.В. М., 2006 г. С. 493.

ны, полномочные рассматривать все категории правовых споров, то есть общие и специальные суды. Таким образом, обязанность государства по созданию отделенной от иных властных институтов системы органов судебной власти, необходимой и достаточной для решения дел всеми подведомственными судами как в количественном, так и в качественном отношении и является проявлением принципа самостоятельности судебной власти.

В соответствии со ст. 2 Конституции России ее приоритетной задачей является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Каждой из этих функций соответствует своя ветвь власти. Например, законодательная ветвь власти в данном случае призвана признавать права и свободы человека и гражданина, исполнительная ветвь власти обеспечивает соблюдение прав и свобод, и, наконец, осуществление судебной власти направлено на защиту прав и свобод¹.

Именно этим обусловлена необходимая независимость и самостоятельность судебной власти от других ее ветвей.

Самостоятельная судебная власть – потребность цивилизованной государственности и гражданского общества – должна иметь инструменты правового характера, дающие ей реальную возможность именно правовыми (не силовыми) средствами воздействовать как на власть, государство, так и на общество².

Принцип самостоятельности судебной власти опосредован ее функциями в системе государственной власти, посредством которых выражается функциональная обособленность этой ветви власти.

На сегодняшний день в действующем законодательстве отсутствуют правовые нормы прямо указывающие на перечень функций судебной власти. Однако функции правосудия и судебного конституционного контроля прямо закреплены в статьях 118 и 125 Конституции России. Это исключительные функции судебной власти, никакая другая власть или ее отдельные органы или общественные институты не вправе их осуществлять. Конституция также закрепляет некоторые из важнейших форм реализации функции судебного контроля, которые также принадлежат исключительно суду. Статья 22 Конституции, к примеру, устанавливает, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению³.

Обеспечению конституционных гарантий самостоятельности судебной власти способствует ее полномочие подвергать закон предварительной проверке и оценке, помимо его применения.

Суд является не просто правоприменителем, а вправе применить закон в целях осуществления правосудия, только оценив его норму на предмет соответствия Конституции России (ч. 4 ст. 125).

При рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции России закона, примененного или подлежащего при-

¹См.: Галжиев Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации // Журнал Российского права. 2003. № 1.

²См.: Анишина В.И. Принцип независимости судьи. Конституционно-правовое содержание и проблемы реализации // Закон и право. 2006. № 7.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом последних изменений) // Российская газета. 2009, 21 января.

нению в указанном деле, суд самостоятельно обращается в Конституционный Суд России с запросом о проверке конституционности данного закона (ст. 101)¹.

Конституционный принцип самостоятельности судебной власти предполагает наличие определенных запретов, ограничений, адресованных другим ветвям власти, и прежде всего власти законодательной, создающей законы, которым, в свою очередь, должны подчиняться суды (ч. 1 ст. 120 Конституции России).

Конституционный Суд России сформулировал позицию: «Между тем в силу принципа самостоятельности судебной власти (статья 10 Конституции России) законодатель не вправе лишать суд необходимых для осуществления правосудия дискреционных полномочий»². Последние, помимо прочего, выражаются в судебском усмотрении, которое реально реализуется независимыми судьями.

Судитью самостоятельности судебной власти как объективно необходимым признаке судов можно и по наличию интерпретационных полномочий. Которые определены ч. 5 ст. 125 Конституции России для Конституционного Суда Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ толкует конституционные нормы при рассмотрении любого дела, в том числе и по запросам органов государственной власти, и по жалобам частных лиц на нарушение конституционных прав и свобод законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле (ч. 2 и 4 ст. 125 Конституции России), или при разрешении спора о компетенции (ч. 3 ст. 125 Конституции России). Такое толкование Конституции носит во всех случаях официальный характер.

В качестве критерия самостоятельности судебной власти (применительно к конституционному судопроизводству) можно рассматривать так называемое конституционное истолкование обычных законов, которое в практике Конституционного Суда РФ получило широкое распространение. В соответствии со ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», проверяя конституционность нормативных правовых актов, Конституционный Суд должен оценивать как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой³.

Таким образом, судебная власть характеризуется как с позиции самостоятельности институтов, так и независимости ее носителей. Каждая из этих характеристик может содержательно взаимодополнять другую, однако определять их как синонимы применительно к публичному институту вообще, а к судебной власти в частности методологически ошибочно.

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с учетом последних изменений) // Российская газета. 2014, 4 июня.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 года №10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан. // Российская газета. 2001, 11 июля.

³ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с учетом последних изменений) // Российская газета. 2014, 4 июня.